

Боярин в мегаполисе
Автор Лав Лав

Лав Лав

Боярин в мегаполисе

«Автор»

2026

Лав Л.

Боярин в мегаполисе / Л. Лав — «Автор», 2026

HR-менеджер из Москвы и боярин-дракон вынуждены заключить фиктивный брачный контракт, но она забыла сказать, что родовую брошь, за которой он охотится, уже продала на "Авито"...

© Лав Л., 2026

© Автор, 2026

Лав Лав

Боярин в мегаполисе

Глава 1

Москва встретила меня запахом бензина, мокрого асфальта и чужой свободы.

Я стояла на Ленинградском вокзале с двумя чемоданами, из которых один разваливался прямо в моей руке, и пыталась вспомнить, зачем вообще согласилась на этот переезд. Три года назад я клялась, что никогда не вернусь в этот город. Тогда он казался мне слишком большим, слишком шумным, слишком равнодушным. Я приезжала сюда на собеседование, провалила его с треском и уехала обратно в Челябинск с чувством, что Москва просто выплюнула меня, как косточку от вишни.

Но жизнь — странная штука. Она всегда подкладывает тебе сюрпризы именно в тот момент, когда ты думаешь, что всё наконец наладилось.

Полгода назад я рассталась с Денисом. Мы были вместе четыре года, жили в съёмной двушке, копили на ипотеку, обсуждали, как назовём кота (Саймоном, я тогда почему-то была уверена, что кот будет похож на Саймона из «Интернов»). А потом я пришла домой раньше с работы и застала его в нашей постели с Ленкой, моей же подругой, с которой мы вместе ходили на фитнес.

Они даже не закрыли дверь.

Знаете это чувство, когда мир не рушится, а просто... съёживается? Как будто кто-то сжал всё пространство вокруг тебя в крошечную точку, и ты сидишь в этой точке, не можешь пошевелиться, а звуки доносятся будто из-под воды. «Алиса, это не то, что ты думаешь», — сказал Денис, натягивая штаны. Ленка молчала и смотрела в стену. Я тоже молчала. Потом развернулась, вышла и заперла дверь снаружи своим ключом.

Это была мелочь, но она принесла мне невероятное удовлетворение. Пусть посидят там, подумают.

Я сняла комнату у своей тётки в Челябинске, залила горе красным полусладким и сериалом «Друзья» (потому что, когда у тебя всё плохо, Росс, который кричит «Pivot!», помогает лучше любого психолога). А потом случайно открыла сайт вакансий и наткнулась на объявление.

«HR-менеджер в крупную IT-компанию. Москва. Переезд за счёт компании».

Я хмыкнула и закрыла вкладку. Потом открыла снова. Потом закрыла. Потом позвонила.

И вот я здесь.

— Девушка, вы будете брать такси или стоять так до вечера? — раздался бодрый голос водителя с табличкой «Иванова А.».

— Буду, буду, — ответила я, подхватывая чемоданы.

Водитель помог загрузить багаж в старенькую «Шкоду», и мы поехали в сторону Арбата. Компания сняла мне квартиру в старом доме возле Смоленской. Я видела фото в объявлении: высокие потолки, лепнина на стенах, большие окна. Мебель, правда, выглядела так, будто её привезли с помойки восьмидесятых, но меня это устраивало. Я не собиралась жить здесь долго. Год-два, встать на ноги, а там — видно будет.

— Хороший район, — сказал водитель, сворачивая во двор. — Дорогой только. Вам повезло.

Я усмехнулась. Повезло. Если бы кто-то сказал мне год назад, что я буду жить в центре Москвы, я бы рассмеялась ему в лицо. Но жизнь — она такая.

Дом оказался пятиэтажной сталинкой с облупленным фасадом и тяжелой деревянной дверью, которая, кажется, помнила ещё Хрущёва. Домофон не работал, поэтому я просто толкнула дверь плечом и вошла.

Подъезд пах сыростью и старыми коврами. На стенах висели объявления: «Соседи, закройте кран на втором этаже», «Потерялся кот Вася, серый, пушистый, отзывается на слово "еда"», «Магазин на первом этаже принимает пластиковые бутылки». Я поднялась на третий этаж, нашла дверь с облупившейся цифрой «17» и вставила ключ.

Замок щёлкнул тяжело, с каким-то старомодным достоинством, будто говорил: «Я пускаю тебя внутрь, но ничего хорошего тебя там не ждёт».

Квартира оказалась... странной.

С одной стороны, всё было как на фото: большая комната с высокими окнами, крошечная кухня, совмещённый санузел и здоровенная ванная комната, которую я сначала приняла за кладовку. Стены в прихожей были оклеены обоями с бархатным рисунком — потрёпанные розы на тёмно-зелёном фоне. В углу стояла вешалка для одежды, похожая на скелет какого-то доисторического животного.

С другой стороны... у меня было чувство, что я не одна.

По коже пробежали мурашки. Я остановилась посреди прихожей и прислушалась.

Тишина.

Обычная московская тишина: где-то за стеной работал телевизор, на лестнице хлопнула дверь, за окном сигналила машина. Ничего необычного.

— Нервная система ни к чёрту, — сказала я вслух, чтобы развеять тишину. — Алиса, ты не в хорроре. Это просто старая квартира. Да, она выглядит так, будто здесь убили человека. Но убийства не было. Возможно.

Я скинула куртку на вешалку-скелет, поставила чемоданы в угол и пошла осматривать владения.

Спальня оказалась маленькой, с узкой кроватью, на которой лежало бабушкино одеяло с геометрическим узором. И тут моё сердце пропустило удар.

На стене над кроватью висела брошь.

Точнее, не висела — была приколотая к старомодному абажуру, который, видимо, забыл предыдущий жилец. Брошь была серебряной, в форме павлиньего пера с изумрудом в центре. Я узнала её сразу. Это была брошь моей бабушки.

— Этого не может быть, — прошептала я.

Я подошла ближе, протянула руку. Металл был холодным. Изумруд тускло блеснул в свете уличного фонаря.

Но это невозможно. Бабушка умерла пять лет назад. Я была на её похоронах. Мы с мамой перебирали её вещи — старые платья, шляпки, коробки с пуговицами, письма. Я взяла себе эту брошь, потому что она всегда мне нравилась. Бабушка говорила, что брошь приносит удачу, что её подарил какой-то таинственный незнакомец в молодости и с тех пор она никогда не расставалась с ней.

Я забрала брошь в Челябинск. Положила в шкатулку. А потом, когда съезжала от Дениса, я... я не помню.

Воспоминания были размытыми. Тот день был кошмаром. Я хватала вещи, бросала их в сумки, плакала, кричала. Я не помнила, взяла ли шкатулку. Возможно, она осталась в той квартире. А Денис... выбросил её. Или продал.

А теперь эта брошь висела на абажуре в моей новой квартире в Москве.

Странно. Очень странно.

Я открепила брошь и положила её в карман джинсов. Потом обошла квартиру ещё раз, но больше ничего необычного не нашла. На кухне стоял старый холодильник «ЗИЛ» зелёного цвета, который гудел как трактор, и газовая плита с тремя работающими конфорками. Ванная

комната была просторной, с чугунной ванной на львиных лапах и краном, из которого текла ржавая вода, если долго не открывать.

Но самым странным была стена в ванной.

Одна из плиток выглядела иначе. Серая, с тёмными разводами, она будто пульсировала, когда я смотрела на неё. Я потрогала её рукой. Плитка была тёплой. Слишком тёплой для старого дома с отключенным отоплением.

— Ладно, — сказала я себе. — Это просто старый дом. Глюки. Тебе нужно выспаться.

Я вернулась в спальню, нашла в шкафу чистое постельное бельё (оно пахло пылью и нафталином), застелила кровать и рухнула на неё, даже не раздеваясь.

Сон пришёл сразу.

Мне снился старый сад. Бабушкин дом в деревне. Я маленькая, бегу по траве босиком, а бабушка сидит на скамейке и улыбается. Она протягивает мне брошь — ту самую, павлинье перо с изумрудом.

— Храни её, Алиска, — говорит бабушка. — Она тебя сбережёт. И помни: не все двери нужно открывать.

Я просыпаюсь от того, что кто-то громко дышит мне в лицо.

Открываю глаза.

В комнате темно. Фонаря за окном больше не горит — то ли перегорел, то ли отключили. Единственный источник света — тусклый луч из-под входной двери.

И я слышу шаги.

Тяжёлые, медленные, будто кто-то в ботинках на толстой подошве ходит по прихожей.

— Это сосед, — шепчу я себе. — Сосед сверху. Или снизу. Старый дом, плохая звукоизоляция.

Но шаги слишком близко. Они не сверху и не снизу. Они в прихожей.

Я нашариваю рукой телефон на тумбочке. Экран загорается — 3:47 ночи. Ни одного сообщения. Нина, моя единственная подруга, которая осталась в Челябинске, написала «Прилетела?» пять часов назад, я не ответила.

Шаги затихают.

Я выдыхаю. И в этот момент слышу звук, от которого кровь стынет в жилах.

Кто-то включает воду в ванной.

Вода льётся так, будто открыли кран на полную мощность. И судя по звуку, вода падает не в ванну, а прямо на пол — глухо, тяжело, с плеском.

— Проклятый дом, — бормочу я, встаю с кровати и иду в ванную.

Включаю свет.

Никого.

Кран закрыт. На полу сухо. Вода не льётся.

Я стою посреди ванной комнаты, смотрю на плитку, и у меня начинается нервная дрожь. Мне кажется, или эта серая плитка с тёмными разводами действительно светится?

Я делаю шаг вперёд. Ещё один.

Касаюсь плитки рукой. Она горячая. Не тёплая — горячая, как сковородка на плите.

Я отдёргиваю руку, и в этот момент слышу голос.

Мужской. Низкий. С хрипотцой. И он доносится не из прихожей, не из спальни — из стены.

— Изыди.

Я замираю.

— Я сказал, — голос повторяет громче, — изыди, смертная. Ты стоишь на пороге моих земель.

Я должна испугаться. Я должна закричать, выбежать из квартиры, вызвать полицию. Вместо этого я делаю то, что всегда делаю, когда мне страшно. Я начинаю злиться.

— Кто здесь? — спрашиваю я, и мой голос звучит твёрже, чем я сама ожидала. — Это квартира номер семнадцать. Я её законная съёмщица. У меня есть договор. А ну выходи!

Тишина.

— Выходи, я сказала! Или я сейчас участкового вызову. У нас, между прочим, статья есть за проникновение. Тебе же хуже будет.

Плитка под моей рукой пульсирует. И вдруг она начинает... меняться.

Рисунок на ней движется. Тёмные разводы складываются в лицо. Сначала я вижу только очертания — высокие скулы, прямой нос, густые брови. Потом лицо становится чётче. И я понимаю, что на меня смотрит мужчина.

Он красивый. Нет, это не то слово. Он красивый той страшной, хищной красотой, от которой у нормальных людей подкашиваются колени. Светлые волосы до плеч, глаза цвета старого серебра, на скулах — татуировки в виде завитков. Он выглядит так, будто сошёл с обложки фэнтези-романа. Или из кошмара.

— Ты... — говорю я.

— Боярин Борислав из рода Гремячих, — представляется он, и его губы кривятся в усмешке. — А ты, смертная, стоишь на пороге моего мира и мешаешь мне спать уже третий час. Убирайся.

— Твоего мира? — я не верю своим ушам. — Это моя ванная. Я снимаю эту квартиру. На законных основаниях. У меня есть договор! А ты кто вообще такой?

Борислав смотрит на меня так, будто я разговариваю со стеной. Что, впрочем, логично — я разговариваю со стеной.

— Ваши людские договоры меня не касаются, — говорит он. — Эта квартира стоит на древнем портале. Половина ванной принадлежит моему миру. И я требую, чтобы ты ушла.

— Я только что заехала!

— Не мои проблемы.

— Это моя ванная!

— Это мой портал.

Мы смотрим друг на друга. Он — из стены. Я — стоя посреди ванной в пижаме с коалами. Ситуация абсурдная, но почему-то я не чувствую страха. Только злость и дикое любопытство.

— Ладно, — говорю я, скрещивая руки на груди. — Допустим, ты настоящий. Допустим, ты боярин. Допустим, за этой стеной — другой мир. Но у меня здесь съёмная квартира на год. Я заплатила залог и первый месяц. И я не собираюсь выезжать из-за того, что какой-то мужик из плитки решил, что ему здесь спать мешают.

Борислав прищуривается.

— Ты дерзкая смертная.

— Я уставшая смертная. И у меня завтра первый рабочий день. Так что будь добр, проваливай обратно в свой мир и дай мне поспать.

— Ты не понимаешь, — его голос становится ниже. — Портал нестабилен. Твоё присутствие здесь питает его. Если ты не уйдёшь, граница между мирами разрушится.

— Ой, да ладно, — отмахиваюсь я. — Граница между мирами. Разрушится. Ты сам-то в это веришь?

Он молчит. А потом плитка под моей рукой раскаляется так, что я вскрикиваю и отскакиваю назад. Из стены вырывается поток света — ослепительно-белого, горячего, как будто кто-то открыл дверцу доменной печи.

Я падаю на пол, прикрывая лицо руками.

И когда свет гаснет, я открываю глаза.

Передо мной, посреди моей ванной, стоит мужчина.

Не лицо в плитке. Настоящий. Высокий, широкоплечий, одетый в странный кафтан из тёмной ткани с серебряной вышивкой. На поясе — кинжал. На пальцах — массивные перстни. Волосы рассыпаны по плечам, глаза серебряные и холодные, как зимнее небо.

Он сделал шаг ко мне. И моя ванная комната вдруг стала очень, очень маленькой.

— Ты, — говорит он, нависая надо мной, — переходишь все границы, смертная.

— А ты ломаешь мою плитку, — отвечаю я, поднимаясь на ноги, потому что лежать на полу перед ним — последнее дело. — И вообще, у тебя сапоги грязные. Я только что полы мыла.

Борислав смотрит на свои сапоги. Потом на меня. И в его глазах мелькает что-то, похожее на уважение.

— Как тебя зовут? — спрашивает он.

— Алиса.

— Алиса, — повторяет он, и моё имя в его устах звучит как заклинание. — Запомни. Я вернусь завтра. И если ты не уедешь из этой квартиры, пеняй на себя.

Он щёлкает пальцами — и исчезает. Просто растворяется в воздухе. Плитка на стене снова становится серой и безжизненной. Только трещина осталась — длинная, тонкая, как шрам.

Я стою в ванной одна, смотрю на трещину, и понимаю, что у меня нет сил ни пугаться, ни злиться. Только одна мысль крутится в голове.

Кажется, мне нужен новый сантехник.

И адвокат.

И, возможно, психиатр.

Я возвращаюсь в спальню, падаю на кровать и засыпаю мёртвым сном, даже не раздеваясь. И мне снится бабушка. Она сидит на скамейке в саду и улыбается.

— Я же говорила, Алиска, — шепчет она. — Не все двери нужно открывать.

Я просыпаюсь в восемь утра от будильника. За окном серое московское небо. Ванная комната выглядит обычной — серая плитка, старая ванна на львиных лапах, никаких трещин, никаких признаков того, что ночью здесь стоял красивый мужчина в кафтане.

— Это был сон, — говорю я себе. — Нервное. Из-за переезда.

Я умываюсь, чищу зубы, надеваю строгий костюм, собираю документы и выхожу из квартиры. Но у двери я замираю.

Коврик в прихожей сдвинут. Не сильно, на пару сантиметров. Но я точно помню, что вчера вечером он лежал ровно.

Я смотрю на дверь в ванную. Рука сама тянется к карману джинсов, где лежит бабушкина брошь. Изумруд тускло блестит в свете утреннего солнца.

Я закрываю дверь и ухожу.

Но я знаю — вечером я вернусь. И он тоже вернётся.

Боярин из плитки.

С ума сойти.